

Лада Зорина

ИЗМЕНА

Я (не) смогу без тебя

Лада Зорина

Измена. Я (не) смогу без тебя

<https://litres.ru/74214299>

Аннотация

— Какого чёрта ты себе позволяешь? — муж встряхивает меня за плечи. Вырываюсь. Замахиваюсь. Но он отталкивает мою руку. — Сволочь! Подлец! Творить такое... под одной крышей с женой и сыном! Муж бросает застывшей в постели девице: — Одевайся. Тебя отвезут. Даже сквозь слёзы вижу — девица роскошна. — Ненавижу тебя, — шепчу, отступая. По крутой скуле Марата прокатывается желвак. Хватает меня за запястье, и рывком — на себя: — Стой на месте. Стой, я сказал! Не смей убегать!

Я без памяти влюблена в своего мужа. Была. А потом застала его в постели с другой. А потом... он ошарашил меня, открыв причину своей внезапной измены

- властный и brutальный герой - нежная героиня - общий ребёнок - ХЭ

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	31
Глава 9	35
Глава 10	39
Глава 11	43
Глава 12	47
Глава 13	51
Глава 14	54
Глава 15	58
Глава 16	62
Глава 17	66
Глава 18	70
Глава 19	74
Глава 20	78
Глава 21	82
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Глава 1

— Какого чёрта ты себе позволяешь? — муж встряхивает меня.

Я вырываюсь. Луплю его по голым плечам, вынуждая меня отпустить. Но и не думаю пускаться от него наутёк.

Размахиваюсь. Но он отталкивает мою руку.

— С-сволочь, — шиплю, отдёргивая руку. — Подлец! Творить такое... под одной крышей с женой и сыном!

Муж, обернувшись, бросает застывшей на постели девице:

— Одевайся. Тебя отвезут.

Даже сквозь слёзы вижу — своим вкусам Марат не изменяет. Девица роскошная телом, а светлая копна волос доходит до поясницы.

Так вот, чего ему не хватало. Молодого сочного тела. Конечно, это не то, что я — уже не такая стройная и подтянутая после тяжёлой беременности и не менее тяжёлых родов.

— Н-ненавижу тебя, — шепчу, отступая.

По крутой скуле Марата прокатывается желвак. Хватает меня за запястье, и рывком — на себя:

— Стой на месте. Стой, я сказал! Не смей убегать!

Девица, кое-как натянув своё платье, тенью пролетает мимо меня, обдав тонким флёром цветочных духов.

Внутри всё переворачивается от омерзения.

Дверь хлопает. Мы остаёмся одни.

Он обнажён, что совершенно его не смущает.

Да смущаться и нечему. Вылеплен словно греческий бог.

Знает, насколько хорош собой. Знает, что таким грех в однолюбах ходить.

— Отпусти! — дёргаю руку, но его пальцы держат моё запястье в железных клещах.

— Не так быстро, — синие очи горят. Прожигают меня едва не насквозь.

Второй рукой обхватывает за талию.

Мне кажется, от него разит её духами. Меня сейчас вывернет.

— Ч-что ты творишь? Отпусти меня! Немедленно!

— Кричи громче, — рычит мне в губы. — Хочешь, видимо, чтобы Сашка проснулся?

Мысль о сыне прошивает меня насквозь. Застываю, таращась на мужа. На жёсткую линию губ. Ни вдохнуть, ни выдохнуть не получается.

— Как ты смеешь... к-как ты смеешь его в это втягивать?

— Ты первая его сюда приплела.

— Ж-животное... — всхлипываю я, — без стыда, без совести...

— Холодная. Снежная. Баба, — произносит отдельно, ввинчивает эти слова в меня так, что каждое отдаётся нестерпимой болью. — Позабывшая, видимо, что у неё вообще есть муж.

Синий взгляд горит и горит. Прожигает меня накопившейся ненавистью. А пальцы по-прежнему стискивают моё запястье. Остаётся только гадать, останется ли синяк. Но, по правде сказать, сейчас это волнует меня меньше всего.

— С-снежная баба?.. — теперь слёзы хлещут уже в три ручья.

Это тает весь мой запал и моя избитая, искалеченная гордость.

— О, так ты всё-таки способна на чувства? — с притворным удивлением цедит муж. — Видимо, только мне они теперь не положены.

— Я не понимаю, о чём ты вообще говоришь! — почти кричу, а голос надламывается, хрипнет.

— Не понимаешь?.. — оскаливается Марат. — Конечно, ты не понимаешь. Ты же думала, что надёжно хранишь все свои тайны.

Мне кажется, кто-то из нас точно сходит с ума. И я готова допустить, что, возможно, мы оба свихнулись.

— У меня... у меня нет никаких тайн от тебя, — наконец нахожу я свой голос. — У меня от тебя — нет. А вот у тебя тайны как раз появились. Белобрысые тайны!

Марат усмехается. Его мой выпад совсем не впечатлил. Возможно, он даже ждал, что именно так я ему и отвечу.

Потому что рывком притягивает меня к себе — и я невольно вжимаюсь в его обнажённое тело.

Горячее, сбившееся дыхание обдаёт мою щёку и ухо:

— Прекрати строить из себя дурочку, Милена. Потому что, видишь ли... я всё знаю. Я читал твою переписку.

Друзья, приглашаю вас в мою новинку
 «Развод. Ты обещал, что не предашь»

Читать: <https://litnet.com/shrt/i6h1>

— Альбина в беде, — процедил муж. — Я должен ей помочь.
 Я вспомнила те их нежности на парковке ... В груди защемило.
 — А какое тебе, к чёртовой матери, дело до её бед?
 — На этот раз вопрос личный, — выговорил он через силу.
 — Это личное касаться нас никак не должно!
 — Но касается, — отрезал Данила.
 — Как? — мой голос ослаб. — Каким образом? Говори, Громов!
 Данила поднял на меня больной взгляд:
 — Когда мы с ней расставались, я не знал. Она мне ничего не сказала.
 — Чего... не сказала?
 — Когда мы расстались, Альбина была беременна. У меня есть сын, Ксения. Ему семь.

 ♥# властный мужчина
 ♥# сложные отношения
 ♥# очень эмоционально
 ♥# ХЭ

Глава 2

— Что?..

Муж усмехается — криво, с издёвкой. Верхняя губа чуть приподнимается, обнажая ряд идеально ровных белых зубов.

Когда-то я голову теряла от этой усмешки. Но сейчас она была хищной, жестокой. Сейчас ничего хорошего она мне не сулила.

Потому что Марат чувствовал, знал, что настала пора отыграться. Он считал, что имеет на это полное право. Вот *настолько* полное. Вплоть до измены.

— Не ожидала.

Супруг с нескрываемым удовольствием следит за тем, как на моём лице отпечатывается потрясение. И я ни за что не смогла бы никак притвориться. Не смогла бы его скрыть, даже если бы от этого зависела моя жизнь.

— Как ты посмел?.. Это же... это личное. Так делать нельзя!

— О-о-о... — муж округляет глаза в притворном удивлении, тёмные брови сходятся на переносице. — Так мы о личном теперь поговорим? Да я же не против. Давай поговорим, Милена. Давай. Как у нас с личной жизнью-то в последнее время?

Я молчу, подыскивая слова. Но они, как назло, ускользают

от меня, окаянные, расползаются.

А Марат нетерпелив. Он ждать не любит и не умеет. Слишком норовист. Слишком горяч. Вечно прёт напролом. Даже сейчас. Даже когда вся наша совместная жизнь летит в чёрную бездну.

— А я скажу тебе, как у нас дела с личной жизнью, — он по-хозяйски проводит горячей рукой по моему бедру, безжалостно сжимает пальцы на талии. — Никак. У нас её нет. Нет у нас никакой личной жизни!

Я на мгновение прикрываю глаза, пытаюсь стоически пережить его взрыв праведного, как ему кажется, гнева.

— Ты. Не имел права. Читать.

Стараюсь не повышать больше голос. Толку от этого никакого. От криков он лишь сильнее заводится. А я уже всерьёз переживаю, что Сашка проснётся и, не приведи господь, примчится сейчас выяснять, что за шум.

Марат меня не отпускает. От его тела идёт такой жар, что мне кажется, я горю вместе с ним. От всего за раз: от унижения, от страшной обиды, от неожиданного и потому такого сокрушительного предательства.

— Не говори мне о правах, — низко стелется его хриплый голос. — Не сейчас. Не смей меня попрекать этой мелочью.

— Мелочью? — ничего не могу поделать с собой, вскипаю. — Это не мелочь, Марат! Это... это предательство!

— О предательстве поговорим? Ну давай поговорим о предательстве, — он подталкивает меня к стене, впечатыва-

ет в неё, нависает над моей головой, лишая всякой надежды на то, чтобы вырваться. — Я, представь себе, о нём начитался так, что на всю жизнь, кажется, хватит. Как тебе со мной сложно и трудно. Какой я неуправляемый. Какой я *не такой*. Совсем не принц на белом коне, о котором ты когда-то мечтала. Не дотягиваю до твоего идеала!

— Ты не имел никакого права это читать.

— Ты оставила ноутбук на столе, чтоб тебя! Мне твои сообщения сами в глаза прыгнули! И раз уж я их прочёл, ты будешь обвинять меня в том, что я прочёл остальные? Как бы ты на моём месте поступила?

Я заставляю себя удержать его пышущий гневом взгляд и отвечать. Отвечать то, что думаю.

— Я не стала бы читать *ничего*. Хотя бы потому что такие вещи могут быть неправильно истолкованы, когда вырваны из контекста!

— Контекст мне более чем понятен, — хмыкает муж. — Контекста там предостаточно.

— Это что ещё значит?

— Ничего, — с неожиданной горечью обрубает муж, отталкивается от меня, отворачивается, и не глядя подхватив со стула халат, натягивает его на свои мощные плечи. — Уходи, Милена. О наших взаимных претензиях мы поговорим завтра утром.

Сдерживаюсь, чтобы не взвыть от этой стремительной смены его настроения. Внутри всё горит от боли и унижения.

Но я заставляю себя не сломаться:

— Завтра утром мы не только о претензиях поговорим.

— Что, уже думаешь, как будешь от меня избавляться? —

муж завязывает пояс халата на талии. — Нет, Милена. Об этом можешь забыть. О возможном разводе даже не заикайся.

Глава 3

— Ты мне не указ, — голос дрожит и прыгает.

Чувствую себя жалко, но подбородок не опускаю.

Он не имеет права вот так, безапелляционно заявлять мне подобное.

Марат снова на меня наступает. Я упираюсь лопатками в дверь, которую за собой так предупредительно закрыла его безымянная наложница.

— Надо же, — он неожиданно подхватывает прядь моих растрепавшихся по плечам волос и пропускает её между пальцев. — Откуда только это берётся? Столько огня я в тебе и не припомню. Что вдруг случилось? Это тебя так чужая девка под нашей крышей вдруг завела?

Он умел это делать. Умел выводить меня из себя. Знал, как вывести на эмоции. Как заставить меня реагировать. Марат сам сдержанностью не страдал и других провоцировал на откровенность.

— Ну, что молчишь? — он легонько потянул меня за прядь, понукая не отмалчиваться, ответить. — Или, может, всё дело в твоих неуёмных фантазиях, которые ты готова доверять кому угодно, только не мне?..

Это зашло непозволительно далеко. Слишком глубоко и слишком больно.

На этот раз я всё же успела. Размахнуться как следует не

удалось, но ладонь всё равно огнём обожгло.

Словно о скалу гранитную приложилась.

Отдёрнула руку и зашипела от боли. Но хотелось ударить ещё. И ещё. Бить, пока рука совсем не отсохнет.

— Полегчало? — оскалился. — Я надеюсь. Потому что дальше легче не будет. Это я тебе обещаю.

— Ты многое себе позволял. Многое! Прощала я тоже многое. Но это... это уже за всякой гранью!

— Что именно? — Марат смерил меня обжигающим взглядом. — Что именно? Уточни. Чужая в моей постели или моё вмешательство в *твою личную жизнь*?

На глаза навернулись новые слёзы. Он ещё и издевался!

— Всё! — крикнула я. — Всё это вместе!

— Знаешь, — он обвёл меня взглядом и вздохнул с приторной усталостью, — а ничего ведь этого не случилось бы, если бы не твои уговоры.

— М-мои уговоры?.. — заморгала я слипшимися от слёз ресницами. — Какие мои уговоры?

— Это ведь в твою красивую голову пришла замечательная идея отправиться на семейную терапию. Это ведь тебе пришло в голову меня исправлять. Будто я сломанный механизм, а ты идеальна!

Господи, да к этому-то как всё случившееся относилось?

— Причём здесь с-семейная терапия?.. Марат, при чём здесь...

— Твоя дебильная одержимость доводить всё до идеала.

Чинить то, что ещё не сломалось! — рычит он, склоняя своё разъярённое лицо к моему. — Всё держать под контролем, всё мониторить, всё — под линейчку!

— То, что не сломалось? — задохнулась я, чувствуя, как в лёгких не хватает спасительного воздуха. — Не сломалось? А твой трудоголизм? Дни и ночи напролёт на работе! А твои подозрения? Твои припадки ревности? Это всё в пределах нормы? Так быть положено?

— Так ведь выясняется, что ревность и подозрения не из воздуха родились, — прищуренный синий взгляд ощупывает моё лицо. — Кто знает, может, для них даже есть основания.

Это он о переписке. Он смеет обвинять меня в подобном, прочитав мою переписку... Мои сумбурные, порой не до конца оформившиеся мысли. Мои заблуждения, опасения, сомнения и печали. Мои радости и мои наблюдения. Всё то, что ни в коей мере не претендует на истину. Всё то, что должно было быть инструментом нашей общей с ним терапии. Нашего исцеления.

Всё это становится источником моего сбывшегося кошмара.

— Не молчи, Милена, — муж смотрит на меня с хищной усмешкой. — Ты ведь жаждала поговорить. Так говори!

Глава 4

— Говорить? — пытаюсь избавиться от хватки его тяжёлого взгляда. — А нам разве есть о чём говорить? Теперь, когда ты прёшь в лобовую атаку и мои слова для тебя будут звучать как попытки перед тобой оправдаться! И это при том, что *не ты* застукал меня в постели с другим!

— Знаешь, — склонился ещё ниже надо мной Марат, — говорят, измена начинается на уровне мысли. Так что не тебе меня в неверности уличать.

— Ты совсем спятил, — шепчу одними губами. — Сдурел. Окончательно. Вбил себе в голову какую-то чушь...

Тяжёлая ладонь с громким хлопком впечаталась в дверь у моего виска:

— Не беси меня, Милена, — прорычал муж. — Не пытайся всё выставить так, будто я один виноват! После рождения Сашки всё пошло наперекосяк. Тебя будто подменили. А это, всё это — закономерные последствия.

Нет, вот так всё выворачивать несправедливо. Несправедливо!

— Как ты можешь заявлять мне подобное?.. Марат, я же тебе объясняла...

— Вот только послеродовой депрессией прикрываться не смей! — пригрозил муж. — Мы с тобой что, зря по докторам таскались? Не было у тебя ничего такого. Никаких депрес-

сий у тебя не было! Или что, выходит, ты докторам врала? Прикидывалась?

— Да ничего я не прикидывалась! Или ты думаешь, мы к психологу просто так потащились?

Муж медленно выдохнул, через ноздри, будто породистый жеребец. Желваки так по челюстям и катались. Он собирался что-то сказать, но передумал. Очевидно, на его язык рвалось нечто настолько обидное, на грани в принципе допустимого, что он не позволил себе этого даже сейчас, когда был взбешён.

— Да, к тому самому психологу, который посоветовала тебе завести эту свою переписку, — рыкнул он, снова приложившись ладонью к двери.

Я моргнула, но скорее от неожиданности, чем от страха.

Потому что бояться мне нечего. В тех сообщениях не написано ничего, что могло бы уличить меня во лжи или, упаси боже, неверности. Но эти сообщения были отражением личной, потаённой правды. Они отражали непростую ситуацию *с моей* стороны.

И на собственную позицию во всём, что происходило последние несколько лет, я имела, чёрт возьми, право!

Но Марат рассудил по-другому. Потому что пал жертвой собственной недобросовестности.

Все знают, что читать любые чужие записи — дурной тон. И это ещё мягко сказано!

— Моя переписка — инструмент терапии. Попытка всё

между нами наладить, разобраться в себе, спасти наш страдающий брак. А ты сейчас собственными руками уничтожил эту попытку!

— Сколько громких слов. Громких и абсолютно пустых, — ладонь, упиравшаяся в дверь, опустилась на мою талию, и я снова оказалась прижата к его напряжённому телу. — Послушай меня, Милена. Послушай внимательно. Мне плевать на все эти слова. Мне плевать на то, что сегодня случилось. В нашем статусе это ничего не изменит. Ты услышала? Мы по-прежнему муж и жена.

Я смотрела на него. Смотрела в любимое лицо и пыталась понять, как он может такое мне заявлять, когда всего полчасика назад развлекался здесь с какой-то девицей. Когда только что сам осыпал меня обвинениями!

— И ты считаешь, что имеешь хоть какое-то право подобное говорить?.. — по лицу снова заструились горячие слёзы. — Ты втихомолку влез в мой ноутбук, взбесился, ты *изменил*... и теперь заявляешь, что тебе на это *плевать*?!

Отчаяние породило всплеск неожиданной силы.

Я оттолкнула мужа и дёрнула ручку двери.

От неожиданности он покачнулся и отступил.

— Плевать? Так и плюй сколько угодно, — я выскочила за порог и бросила ему напоследок. — А я плевать не собираюсь!

Я захлопнула дверь, оставив невысказанной самую главную фразу.

Фразу, из-за которой он ни за что не дал бы мне сейчас сбежать.

«Мы от тебя уходим, Марат. Я и сын, мы от тебя уходим».

Глава 5

— Ты всё решила?

— Ещё вчера.

— И ему ничего не сказала?

— Ник, ты как себе подобное представляешь? — всхлипнула я. — Мы же столько времени у тебя на сеансах провели. Ты уж как никто должна понимать, что заяви я ему открытым текстом такое, и он нас с Сашкой на замок заперёт, а ключ выкинет.

Верника вздохнула и подлила мне горячего чая. А я не спешила придвигать его к себе, чтобы ненароком не залить его слезами.

В кабинете Ники мне всегда становилось чуточку легче. В этом самом кабинете, где мы с Маратом столько сеансов провели. Столько всего обсудили. Именно здесь во мне зародилась надежда, что мы ещё сумеем всё исправить, преодолеть все наши трудности, все накопившиеся обиды и непонимания, которые безуспешно пытались затолкать под ковёр с рождением долгожданного сына...

Сына, в котором Марат души не чаял. И потому я не представляла, как смогу убедить мужа нас отпустить.

— Так... это развод? Решила без полумер?

Вчера, пока эмоции били из меня через край и я заливала слезами подушку, была уверена, что не имеет смысла о чём-

то раздумывать. Предал, изменил и ни на гран не раскаялся... так что же, я позволю ноги о себя вытирать?

А сегодня с утра, пока приводила себя в порядок в при- тихшем доме, откуда Марат умчался ни свет ни заря по ка- ким-то делам на одной из своих бесчисленных элитных стро- ек. Пока смотрела, как завтракает сын и слушала, как он пе- ресказывает просмотренный вчера мультик... В самом цен- тре груди что-то невыносимо защемило.

Господи, я ведь даже невзирая на все наши сложности в последнее время, любила этого подонка до одури...

— Мне нужно... подумать. И, думаю, нам нужно разъе- хаться, хотя бы на время. Всё слишком запуталось. Слиш- ком. И я очень боюсь этого, Ник, понимаешь? Боюсь, что сын станет свидетелем наших ссор...

— Но?..

Конечно же. Это «но» отчётливо звучало в моём охрип- шем голосе.

— Но Сашка любит отца, — прошептала я, не решаясь говорить о себе. — Что ж я буду за мать, если наплюю на чувства сына? Ник, он меня никогда не простит, если я сей- час вот так...

Я разрезала ребром ладони воздух, уже не в силах про- должать объясняться.

Подруга кивнула, похлопала меня по руке.

— Понимаю. Очень хорошо понимаю. Милена, родная моя... мне очень жаль, что не удалось вам помочь.

— Ник, ну о чём ты... — всхлипнула я. — Разве же это хоть в какой-то мере твоя вина? Ты ведь и сама понимаешь, что н-невозможно насильно соединить то, что испытывает взаимное сопротивление.

Подруга печально качнула головой:

— Не говори так, Милена.

— Почему нет? Почему, если в этом вся правда...

Вероника отвела взгляд, задумчиво уставилась на укрытую рыхлым февральским снегом улицу за окном.

— Может, в чём-то ты и права, но... нет между вами никакого сопротивления. Я много раз вам говорила, ваши трудности зачастую как раз оттого, что вас уж слишком тянет друг к другу. Знаешь... — она запнулась, но после паузы всё же договорила, — знаешь, сколько бы я за подобное отдала?..

Тут бы, наверное, и порадоваться, что твой личный психолог видит ваш брак в таком розовом свете.

Но только она ошибалась.

Какое же тут притяжение, если он другую в постель притащил? Да ещё и меня виноватой выставить в ситуации попытался!

Я уж молчу о том, что муж с такой лёгкостью растоптал моё доверие, без обиняков признавшись, что читал мои личные сообщения и даже счёт мне за них предъявил...

— Боюсь, Ника, ты не права. Боюсь, всё, что между нами осталось, это любовь исключительно к сыну.

И мне показалось, я отыскала этому лишнее подтвержде-

ние, когда в тот вечер вернулась от подруги домой...

Глава 6

— ...и смотри! — долетел до меня звонкий голосок Сашки.

Я застыла у громадного раздвижного шкафа на выходе из фойе. Голоса неслись из большой гостиной.

— Осторожнее, — долетел в ответ низкий голос мужа.

Я беззвучно всхлипнула, прижав руку к груди. Медленно вернула на место зеркальную створку.

Они не слышали, как я вернулась.

Очевидно, Марат вернулся с работы пораньше и отпустил няню, которую я вызывала посидеть с маленьким сыном, только по исключительно редким случаям отлучаясь из дома.

Они разговаривали, будто ничего и не случилось.

Будто и не было этого адского вечера, когда я застала мужа...

Зажмурилась и медленно покачала головой. Хватит заново растравлять и без того кровоточившую рану.

Эти мысли начинали превращаться в инструмент мазохиста.

— ...кубик не сюда. Видишь же, рисунок не складывается.

— Ну па!

— Ищи другой. Этот, говорю тебе, не подходит.

— Так никакой не подходит!

— Неправда. Смотри внимательнее.

Я, словно вор, кралась навстречу этим мирным голосам, не желая нарушать идиллию.

Из кабинета Ники я вышла разбитой и вопреки надежде на то, что разговор по душам с подругой поможет мне утвердиться во всех своих смелых решениях, погрузилась в ещё более мутные воды, в самый водоворот бесконечных сомнений.

И я ведь ждала, что она хотя бы напоследок скажет мне что-нибудь утешительное.

Может, это и малодушно с моей стороны, но невозможно ведь постоянно притворяться, будто я настолько сильна, что из меня можно гвозди делать.

Но Вероника, очевидно, решила, что правда — дороже.

— Милена, я не хочу дарить тебе пустых, ни на чём не основанных надежд. Если ты чувствуешь, что вы неизбежно расходитесь. Если, выходит, бесконечные попытки выстроить диалог с супругом ни к чему не привели, ты... подумай. Конечно, не торопись и с плеча не руби, но подумай. Подумай, нужна ли тебе такая нервная жизнь. Особенно когда до такого дошло...

Она тоже избегала этого страшного слова «измена».

Может, не хотела лишний раз меня травмировать. Но только вряд ли мне уже можно было сделать большее...

Я осторожно выглянула из-за угла, почти забыв, как дышать.

Марат, переодевшись в футболку и простые домашние джинсы, возился с сыном на полу, собирая красочные кубики.

Рядом, привалившись к дивану, пёстрой грудой лежали новые игрушки. Наверное, сегодня по дороге с работы купил, потому что я их не помнила. Громадный белый заяц, бурый мишка, коробка с конструктором и машинка на управлении.

А я стояла в полутёмном коридоре, покуда ими незамеченная, и едва не скулила от нового прилива нестерпимой боли.

— Я нашёл! — победоносно выкрикнул Сашка и потряс над головой кубиком. — Вот он, па. Правильно же? Вот, смотри. Если так повернуть, то не подходит. А если вот так — то подходит.

Марат присмотрелся и с довольным видом кивнул:

— Молодец. Вот теперь точно подходит.

Может, и не стоит им мешать?..

Я отклонилась от дверного проёма, но ненароком задела рукой дверную ручку.

Этого звука в тишине дома хватило, чтобы сын обернулся и заметил меня.

— Мама! — он поднялся и кинулся ко мне.

Не оставалось ничего делать, как выступить из тени. Сашка уткнулся в мои колени, и я обхватил его за плечи, прижала к себе.

— А мы с папой кубики складываем. Почти уже всё сложили. А папа мне смотри какого зайца купил!

Сашка оторвался от меня и помчался к своим обновкам.

С глотнула и подняла взгляд на мужа. Его лицо сделалось непроницаемым, каменным. От улыбки не осталось и следа.

— Где ты была?

— Ездила в город, — я не собиралась с ним откровенничать.

Но он и не стал от меня этого требовать.

Ещё одна странность. Обычно Марат не любил оставаться в неведении относительно любых моих дел.

— Если тебе нужно время на себя, — отозвался он ровно, — можешь идти. Мы с Сашкой найдём, чем заняться.

Я кивнула, перевела взгляд на сына:

— Шурик, я душ приму и спущусь. Хорошо?

— Ага.

— Вы же ещё не ужинали?

Он замотал головой.

И я даже слегка обрадовалась. Может, за ужином, накормив и отправив спать сына, мы с Маратом сможем поговорить.

Но радость была преждевременной.

Этим вечером меня ждал новый удар.

Глава 7

— Мы тебя ждём, — не сказал, скорее проинформировал муж и вернулся к тому, чем они с Сашкой занимались до моего прихода.

Благо сын был ещё слишком мал, чтобы почувствовать сгустившуюся атмосферу. И подчёркнутую холодность мужа. И моё нервное состояние, которое я безо всякой надежды на успех пыталась скрыть.

— Хорошо, — шепнула я и отправилась наверх, принять душ и переодеться.

В гостевой спальне, где я спала со вчерашней ночи, включила только ночник, и взгляд невольно наткнулся на лежавший на столе у окна ноут.

Ноут с «чатом раздора».

Мне до сих пор до конца не верилось в то, что Марат решился его прочитать.

Впрочем, «решился» — это вообще не про него. Муж не колебался, не тратил драгоценное время на долгие обдумывания, взвешивания и просчитывания вариантов.

Действие — вот его кредо. Он умел оперативно оценить ситуацию и действовать на основе полученных выводов. А потом — ориентироваться на результаты этих действий.

Но ведь в личной жизни не всё должно быть именно так, как ты привык вести дела в бизнесе.

Личная жизнь — это эмоции и чувства. Чувства близких людей, которые тоже нужно учитывать!

Я подняла крышку ноутбука. Экран засветился, уставившись на меня окошком для введения пароля.

Прежде я и не подумала бы его применять. А теперь это, наверное, и бесполезно. Но я всё равно его зачем-то поставила. Как символ возникшего между нами недоверия.

Ни в какой, даже самой сумасшедшей и мрачной фантазии я и предположить не могла, что этот чёртов чат может стать... чем? Причиной или всего лишь последней каплей?..

Ставив с себя верхнюю одежду и сложив её в корзину для стирки, я отправилась в душевую. Закрыв прозрачную створку кабинки, повернула ручку крана. Медленно выдохнув, подставила лицо и тело под тёплые струи воды.

Всё происходящее казалось дурным сном — безобразно вывернутой наизнанку правдой.

Я ничего такого не писала в своих сообщениях. Ничего, что могло настолько ранить Марата.

И уж тем более ничего, что могло привести к его срыву и внезапному дикому желанию мне изменить.

Но об этом нам ещё предстояло поговорить.

Потому что дело не в чате как таковом. Дело в том, как всё изменилось после рождения сына.

А выплеснутые в сообщениях глупые, сумбурные мысли — только предлог. Несостоятельное оправдание.

Не представляю, как я могла бы простить ему то, что он

сделал, даже не попытавшись сначала вывести меня на разговор об этой чёртовой переписке.

И пусть бы поначалу из этого разговора никакой конструктивной беседы не получилось бы. Пусть бы она завершилась скандалом. Но мы хоть попытались бы как-то всё это обсудить вместо вот такой откровенно предательской мести. Или... или чем это было?

В груди защемило с новой силой. А что если та девица... что если это и не месть как таковая? Что если у Марата к ней чувства?..

Я зажмуриваюсь, пытаюсь отогнать от себя вынимающие душу сцены...

Пусть с невероятным усилием, но мне это всё-таки удаётся.

Перед глазами снова встаёт идиллическая картина — муж играет с маленьким сыном. Не потому что это обязанность или долг, а потому что это естественная потребность и разделённая радость.

И я собираюсь с этим покончить.

Как я могу их разлучить?.. Стоило только взглянуть на сияющее лицо Сашки в обрамлении светлых кудряшек, на улыбающегося мужа... Как же весь его вид разительно контрастировал с тем, как он выглядел вчера. Будто это были два совершенно разных человека.

И обоих я собиралась сделать одинаково чужими для меня и для сына.

Просто потому что от шквала захлестнувших эмоций никакой альтернативы разводу просто не видела.

Нет, нам стоит, конечно, сначала поговорить. Обсудить всё, когда страсти хоть немного улягутся. Включить голову, набраться терпения, призвать к благоразумию себя и друга. И всё обсудить.

Ведь именно так поступают умные взрослые люди.

Как ни странно, из душа я выбралась в состоянии относительного покоя. Который даже смогла сохранить, спускаясь на кухню.

Мелодия телефонного звонка заставила меня замедлить шаг в коридоре и невольно прислушаться.

— Да, — приглушённо отозвался Марат. — Да, ты мне нужна. Хочу с тобой увидеться. Завтра. Ты сможешь?

Глава 8

— Спасибо, — Марат принял из её рук салатницу.

Благодарность слетела с его языка на автомате, просто потому что привык. Просто потому что даже после того, как их семейная жизнь начала смертельно опасно крениться, он не хотел верить в реальность угрозы.

Милена молча кивнула, бросила на него быстрый взгляд и отвела глаза. Бледно улыбнулась сидевшему рядом и уминавшему своё пюре сыну.

Но Марат всё знал. Ему рассказали. Его предупредили, что Милена будет отнекиваться. Будет строить из себя оскорблённую невинность. Она не станет с ним откровенничать. Будет всячески отрицать...

Он ненароком звякнул вилкой о край тарелки, но жена даже головы не повернула и продолжала ворковать с сыном.

Марат не успел погрузиться в свои мрачные мысли.

— Всё, пожелай папе спокойной ночи, и отправляемся спать.

Он сжал в своей ладони маленькую ладошку сына, пролопотавшего ему обязательное пожелание на ночь.

Милена мягко подтолкнула сына к выходу из столовой и обернулась:

— Я уложу Сашку и, если ты не против, задержись, пожалуйста. Я хотела кое-что у тебя спросить.

Спросить? Без криков, пощёчин и угроз развестись? Без взаимных упрёков и желания вытрясти друг из друга удобную только одной стороне разразившегося конфликта правду?

Хороший вопрос. Своевременный.

— Конечно, — он снова схватился за вилку, хотя аппетит стремительно его покидал.

Это откровенно бесило. Бесило, насколько же семейная жизнь сделала его зависимым от настроений и намерений всех в этом доме.

Но стал бы он мгновенно счастливее, если бы вернулся к своему статусу холостяка?

И возможно ли подобное в принципе, когда твоя душа уже прикипела к тем двум людям, без которых жизнь теперь и не мыслилась?..

Милена вернулась в кухню, когда он уже собирал со стола, засовывая посуду в посудомойку. Даже входить не стала, наблюдала за ним от порога с такой осторожностью, будто ждала, что он вот-вот запустит в неё грязной тарелкой.

— Ты завтра весь день на работе?

— Два совещания. Поездка на объект. После трёх — брифинг с прессой, — перечислил он, не отрываясь от загрузки посудомойки.

Вопроса «А что?» он не задал. Этого и не потребовалось. Милена кивнула, будто его ответ всё ей объяснил.

— Я отменила нашу встречу у психолога. Не думаю, что

нам это вообще больше потребуется.

Он захлопнул крышку посудомойки, нажал на кнопку.

— Наконец-то решила признать, что эта ерунда не работает?

Она подняла на него взгляд — сухой, но блестящий.

— Думаю, Марат, наш предстоящий разговор мы и без психолога осилим.

А вот и он. Тот самый намёк на Большой Разговор, где она в свете его гнусной измены потребует развода и опеки над сыном. Очевидно, предполагает, что он, за эти несколько дней поостыв и устыдившись своего предательства, уступит ей по всем фронтам как пострадавшей стороне.

Ну конечно. Он ведь славится своей покладистостью.

— Разговор, — понимающе усмехнулся он. — И когда ты предлагаешь нам его провести?

Он видел, как она сглотнула и поёжилась под его пристальным взглядом.

— Когда ты в своём перегруженном *рабочем* графике отыщешь на меня время.

От него не ускользнуло незамеченным, как она выделила слово «рабочем».

Он посчитал ниже своей гордости выпрашивать, что она этим хотела сказать. Но не думать об этом не мог даже когда после работы ехал по уже привычному с недавнего времени маршруту.

Все эти бабские штучки.

Походы к психологам, воспитание чувств.

А потом тайны, секреты, намёки, недомолвки, мать их растак...

И ты пытайся потом разгадать, что всё это значит.

Марат выбрался из авто, подошёл к крыльцу и вдавил кнопку звонка.

Дверь отворилась.

И как бы он ни пытался бежать от своих мыслей, всё-таки понимал — ему действительно нужно было увидеться с ней.

Сейчас это важно. И, наверное, даже правильно.

— Привет. Я ненадолго.

Она улыбнулась и распахнула дверь шире, приглашая войти:

— Марат, я тебя никуда не гоню. И всегда тебе рада. Входи.

Глава 9

— Расскажи поподробнее, — предложила она. — Если можешь, конечно.

Не хотела настаивать. Он чуял и понимал, что ей хотелось, может быть, даже требовалось знать больше. В конце концов, он не исключал, что она действительно хотела помочь. Но понимал, что изливать перед ней душу он всё же не станет.

Не такой он человек. Никогда не был таким. И со временем этому так и не научился.

Марат сидел на диване, откинувшись на высокую спинку и уставившись пустым взглядом в потолок.

— Не умею я откровенничать. И ты это знаешь. Никогда не умел.

— И изменять себе не собираешься, — подхватила она, и в её тихом голосе сквозила улыбка. — Наверное, я даже в чём-то тебя понимаю. Но если бы ты мне чуть больше доверился, возможно, я смогла бы помочь.

Ну да. Вон у них сколько помощи было за всё это время. Им с Миленой честно пытались помочь. И все посторонние попытки обычно сводились к тому, что он чувствовал себя какой-то подопытной крысой.

А та чёртова «терапевтическая переписка», кажется, стала последней каплей в этих экспериментах. Всё, что жена не смогла до него донести, осело на электронных страницах.

«Это эффективный вид терапии», — говорили они.

«Это поможет», — говорили они.

Помогло. Помогло сообразить, что его жена давно не видела в нём ничего, что когда-то её привлекало. Вместо этого лелеяла какие-то свои потаённые фантазии.

И он представить себе не мог, как стал бы рассказывать обо всём этом.

— Ты утверждаешь, что обсуждать подобное... Что в этом нет ничего такого. Я так... — он непроизвольно сглотнул, — не чувствую. Сейчас мне это не кажется правильным.

— Почему?

Чёрт, ну что за идиотский вопрос? Начать хотя бы с того, что невзирая на весь свой гнев, сейчас, поостыв, он ощущал определённую долю вины за содеянное. Но признаваться в этом тоже не собирался.

Поэтому вслух он так ничего и не сказал, только выдохнул.

Но если бы смог, он сказал бы.

Она не видит меня. Я ей не нужен. Но признаться в этом боится. Прикрывается всеми этими походами по психологам. Попытками склеить то, что ремонту не поддаётся.

И считает его виноватым. Наверняка считает его виноватым.

— Она живёт со мной из-за сына. Жила по крайней мере. Сейчас, я уверен, она будет рада разводу.

— Ты всерьёз думаешь, что Милена хочет с тобой разве-

стись? Марат, почему ты так в этом уверен?

Он прикрыл глаза, уже жалея о том, что вообще завёл этот непростой разговор.

— Потому что сейчас она не захочет ничего обсуждать. А все наши прежние разговоры напоминали домашние задания, которые нам выдавали психологи. Разговоры для галочки. Имитация прогресса. Они ни хрена не решали, понимаешь? Мы ничего важного на самом деле не обсуждали!

Её лёгкая прохладная ладонь неожиданно опустилась на его руку.

Он вздрогнул и рефлекторно отодвинулся.

Она сделала вид, что не заметила этого.

— Я... думаю, я понимаю, о чём ты говоришь. Мне очень жаль, Марат. Извини.

Вот как. Ей тоже жаль. А она ведь — часть этой проблемы. Не в последнюю очередь они разбегутся в разные стороны из-за неё.

Как же порой люди привыкают себя обманывать, жить в иллюзии и притворяться, что у них всё не так уж и плохо. Что всё наладится.

А потом кто-нибудь слетает с катушек. Совершает что-нибудь, чему прощения нет, и наружу лезет вся эта грязь, которая исправно копилась, пока они думали, что у них всё в порядке. Что они с этим справятся. Переживут.

— Тебе действительно жаль? — он повернул голову, чтобы видеть её лицо.

Она смотрела на него неотрывно, с какой-то не совсем понятной ему жадностью.

— Конечно. Да, мне действительно жаль. Почему ты ставишь мои слова под сомнение?

— Потому что ты часть уравнения, Ника, — усмехнулся он и покачал головой. — И тебя из него выкинуть не получится.

Глава 10

— И что теперь?

Катя сочувственно заглядывала мне в глаза, а я боролась с новым приступом слёз, поэтому временила с ответом.

— Пока не знаю. Правда не знаю. Нам надо поговорить. Не так, как до этого, где эмоции через край, а... спокойно. Как взрослые люди.

— А вы сумеете? — старшая сестра скептически приподняла чёрную бровь.

Обсудить сокровенное, помимо Ники, я могла только с ней.

Знала, что дальше Кати никогда ничего не пойдёт. Даже родителям ничего не расскажет. Не расскажет, пока я не позволю.

А ещё она обладала удивительным свойством — умудрялась никого не судить и никогда не спешить с выводами. Исключительно холодная голова. Наверное, единственная среди всех, кого я знала.

— Мы должны постараться, Кать. Это же наше будущее. Это Сашкино будущее в конце концов.

— Он не отдаст тебе сына, — Катя легонько прихлопнула ладонью по столу.

И безжалостная правдорубка. Моя сестра не ходила вокруг да около, не пыталась ничего приукрасить. Говорила

прямо и только то, что думала.

— Мил, не смотри на меня так, будто я тебе своими словами нож в сердце вогнала. Ты и сама знаешь правду. Знаешь, что Марат за сына и убьёт, и умрёт. Что бы он ни натворил, что бы ты ни натворила — сына он не отпустит.

— Знаешь, может, если бы я хоть что-нибудь натворила, мне сейчас не было бы так больно и обидно.

Обидно...

Да это слово даже близко не описывало то, что я ощущала.

Вчера, взбудораженная подслушанным анонимным звонком, я до середины ночи перечитывала эту проклятую переписку, пытаюсь выискать в ней хотя бы намёки на то, что вменял мне в вину муж.

Не было там ни жалоб, ни упрёков.

Да, я честно описывала сложности, с которыми сталкивалась время от времени из-за его взрывного характера. Но не было в них и намёка на то, что из-за них я его *разлюбила*.

Потому что это чушь и неправда.

Я люблю своего мужа.

Любила. До того, как застала его в постели с другой.

С другой, к которой он наверняка сегодня поехал!

С ночи я так себя накрутила, что порывалась броситься следом за ним.

Но Сашку оставить было попросту не на кого. Наша няня была на подработке, и я не предупреждала, что сегодня мне понадобится её помощь. Ведь я не могла предугадать тот та-

инственный вечерний звонок.

Как и не могла знать, когда именно муж отправится к своей любовнице — в обед или после работы. И когда, и где закончится его рабочий день. В офисе он редко сидел после расширения бизнеса. Вечно где-то мотался, пропадал на работе.

Иногда мне казалось, он этой сверхзанятостью прикрывался, только бы не устраивать очередной разговор по душам. Мол, ему хватало и того, что от нас требовала семейная терапия.

Как будто работавшим с нами психологам её результаты были нужнее, чем нам самим!

Будто это было каким-то заданием, обязателькой, висевшей над ним дамокловым мечом...

— Мне очень сложно вам что-то советовать, — вздохнула сестра. — Вы ведь столько психологов успели сменить. И эта ваша Вероника... ты же говорила, с ней какой-то прогресс всё же наметился.

Говорила. Потому что искренне так считала.

— Поначалу мне так казалось. Он... Марат уже не казался таким замкнутым. Не раздражался по поводу и без повода. Даже согласился хоть как-то регулировать свой трудоголизм. Но теперь... мне кажется, всё это было исключительно на словах. Просто не хотел брать на себя часть вины за то, что наши отношения разваливались.

Катя вздохнула:

— Я знаю, ты не захочешь это слышать, но... Милена, вы всё-таки разные. Вы с Маратом... как огонь и вода. Не совпадаете по темпераменту.

Я старалась не показывать, как меня задели эти слова:

— Не совпадаем, но семь лет прожить вместе мы умудрились. И ребёнка родить. И...

И мы были счастливы! Каким бы далёким это счастье мне сейчас ни казалось.

Мы любили друг друга. Мы бы смогли эти трудности преодолеть. Я верила, мы смогли бы.

Если бы мой муж не опустил до предательства.

И будто в ответ на мои мысли со стороны фойе донёсся звук открывающейся двери.

Мой неверный супруг вернулся домой...

Глава 11

— Добрый вечер, Марат, — Катерина встала из-за стола и отставила кружку.

— Добрый вечер, — он скользнул взглядом по нервно заправившей за ухо светлую прядь жене.

Что-то внутри шевельнулось и своим острым, зазубренным краем прошло по сердцу.

Марат был в неплохих отношениях со свояченицей, но близкими их не назовёшь. Их отношение друг к другу можно было бы назвать взаимным уважением.

Вполне приемлемый вариант при условии, что вы люди очень разного круга. С разными взглядами, разным пониманием жизни и разными представлениями о необходимости близких родственных отношений.

— Приезжала племянника навестить, — Катерина провела ладонью по плечу Милены и легонько его сжала в жесте немой поддержки.

Марат в душе мрачно усмехнулся своему наблюдению. Хитрила. Дело, конечно, не только в племяннике.

Правда, он понятия не имел, визит был собственной инициативой, или Милена её пригласила.

Супруга, пряча глаза, тоже встала из-за стола и, собрав кружки, отправилась с ними к раковине.

— Где Сашка?

— Мультики смотрит, — отозвалась она, не обернувшись.

— Он просил нас ему не мешать, — улыбнулась Катерина. — Вот мы и сели чаю попить. И я, кажется, задержалась сильнее положенного.

— Глупости, — автоматически ответил он и в целом даже душой не кривил. — Мы всегда тебе рады.

Да, обстоятельства к проявлению ярого гостеприимства не располагали, но и гнать родственницу из дома он не стал бы. К тому же Катерина обладала до странности ощутимой стабилизирующей энергетикой. Была живым воплощением равновесия.

Словом, не страдала излишней эмоциональностью и к тому же была приятным, интересным собеседником.

— Сашка растёт не по дням. Я вот Милене говорила, — Катя подхватила свесившийся со спинки стула шейный платок и принялась его повязывать. — Оглянуться не успеете, уже и в школу отдавать.

Будет ли, куда оглядываться... Сейчас он уже ни в чём не был уверен.

— Стараемся пока об этом не думать, — он посторонился, пропуская Катерину к выходу и заметил, как при его словах дрогнули хрупкие плечи жены.

Впереди у них, конечно же, Большой Разговор. Тот самый. Он нечто подобное предполагал, ещё когда был у Вероники.

— Во-первых, разве ты можешь осуждать её за желание

с кем-нибудь об этом поговорить? — в светлых глазах Вероники читался искренний вопрос. — Ты хотел вывести её на эмоции — ты преуспел. Растормошил. И перестарался.

— А во-вторых? — пробормотал он, ощущая давление в висках и неизбежность головной боли.

— А во-вторых, ваше неумение по-настоящему открыться друг другу приведёт к тому, что она поставит вопрос ребром. Особенно сейчас. После всего случившегося.

Марат прислушался к себе, пытаясь понять, готов ли взять на себя всю ответственность за случившееся. Готов ли простить жену за её тайны и недомолвки, за её нелюбовь и яростное желание скрыть её за многословными объяснениями, которые на самом деле не стоили ничего. Пустые сотрясения воздуха.

Но всё, что сейчас сумел расслышать внутри, был один надоедливый, почти ненавистный вопрос: «Почему?»

Почему его жена посчитала его недостойным своих откровений?

Почему с каждым днём отстранялась от него всё сильнее?

Почему, в конце концов, их близость превратилась для неё в пустое следование супружескому долгу?

Она в этом не признавалась, но он это чувствовал!

Почему?!

— Значит, — он тяжело сглотнул, — нас ждёт разговор.

— Боюсь, это так, — вздохнула Ника.

Он не заметил, как она придвинулась ближе.

— И раз уж он у вас впереди... скажи, — её прохладная ладонь снова легла ему на руку, — ты собираешься ей рассказать, что происходит на самом деле?..

Глава 12

— Я сестру провожу, — упираюсь взглядом мужу в грудь и гадаю, почую ли тот самый тошнотворный аромат цветочных духов.

Ненавистный мне теперь аромат, который я чуяла, когда застала его с той блондинкой.

Но, должно быть, слишком нервничаю и всё-таки держусь от него слишком уж далеко, чтобы хоть что-нибудь по-настоящему ощутить.

А ещё на долю мгновения мне чудится, что он меня не пропустит.

Но секунду сменяет другая — и Марат отступает. Молча. Не тратит силы и время на пустые слова.

Мы в последнее время и без того их слишком много впустую потратили.

Говорили и говорили — непонятно о чём и для чего.

В фойе Катя натягивает на себя пальто, не спуская с меня взгляда. Сестра не умеет тревожиться и беспокоиться. Или не умеет этого демонстрировать. Выглядит скорее уж озабоченной, будто внутренне уже работает над решением сложной задачи.

— Мил, послушай меня...

Я ёжусь, поправляя сползшее плечико свитера и заглядываю в родные глаза:

— Понимаю, как это сейчас прозвучит. Но... не торопись, слышишь? Не спеши бросаться из огня да в полымя. Не жги мосты, потому что на все сто процентов в своих решениях ты не уверена.

Это и правда неожиданный совет от неё. И неожиданное наблюдение.

— Почему? — спрашиваю прямо, без обиняков. — И с чего ты решила, что я не уверена? Кать, он мне изменил. В наглуую. Притащил эту девицу в наш дом. Её ведь Сашка мог увидеть!

Катя прикрыла глаза и кивнула, давая знак, что всё понимает.

— Я вижу тебя, — она указала подбородком в сторону столовой, — и вижу его. И знаешь, что ещё вижу?

Разваливающийся брак? Двух несчастных людей? Предателя и дуру, до недавнего времени надеявшуюся, что ещё не всё потеряно?

Но я молчу. Жду, когда сама мне скажет.

— Глаза ваши вижу, — вздыхает Катерина. — Глаза ваши больные.

И я невольно прячу свой взгляд. Будто мне стыдно, что по нему всё читается с такой впечатляющей лёгкостью.

— Не думаю, что нас можно сравнивать. Не думаю, что Марату больнее, чем мне.

— Зря, — Катя подхватывает сумку и берётся за ручку двери. — Вот бы только вам обоим это понять. Но тут уж я

вам не помощник.

Катя уходит. Дверь за ней закрывается, и мне становится так страшно и одиноко... Никогда ещё так одиноко я себя не ощущала.

Потому что привыкла, что рядом был мой мужчина. Мужчина, которому я могла доверять.

Даже когда его поглотила работа и мы неожиданным образом зажили каждый собственной жизнью.

Оттягивая неизбежный момент, я поднялась в спальню к сыну. Сашка возился с конструктором и смотрел свои мультики.

Спустилась и заглянула в столовую.

Марат стоял у окна, попивая из кружки чай. Он явно ждал моего прихода.

Я смотрела на него от порога.

Собранный, мрачный. Меж густых чёрных бровей залегла вертикальная морщина.

И в окно он не смотрит. Взгляд пустой, отрешённый, невидящий.

Погружён в размышления. Должно быть, обдумывает наш будущий разговор.

Только что тут особо обдумывать?..

И я избавляю себя от неловкости, не трачу время на пустые вступления.

— Ты был... с ней? Ты сегодня был с ней? — сама, сама окунаю лезвие в свежую рану и проворачиваю.

Но хочу слышать ответ.

Хочу знать, *что* он ответит.

Марат оборачивается. Он не слышал, как я вошла.

Пауза тянется, тянется и...

— Был.

Я думала, что буду готова к такой откровенности. Ошиблась. Короткое слово прозвенело в тишине громкой пощёчиной.

Но я удержалась на самом краю. Не время для стенаний и слёз. Время что-то решать.

— Спасибо за правду, — я выдержала его давящий взгляд.
— Я тоже не буду юлить. Ты видишь сам, что у нас ничего не выходит. Поэтому я предлагаю расстаться.

Глава 13

— Расстаться? — спокойно уточняет Марат.
Слишком спокойно. Обманчиво. Тревожно.
Мне это не нравится. Но удивления не вызывает.
Как и желания отступить.

— Именно. Ты видишь сам, разговоры ни к чему не приводят. А тем более после...

— Измена, это всё-таки больно, верно?..

Я смотрю на него в недоумении. Он это всерьёз? И вот так, совершенно спокойно. Даже позу особо не поменял. Продолжает стоять у окна, попивая свой чай. И где только кроется сейчас весь его жар, который он обычно не в состоянии скрыть...

— Это очень странный вопрос. Ты что, — сглатываю колючий комок, — ты... эксперимент на мне ставил?

Марат усмехается, но с ощутимой горечью:

— А кто на нас их только не ставил в последние несколько лет. Скольких мы мозгоправов сменили, не припомнишь?..

— Мы ведь не по прихоти их меняли. К чему эти слова?

— А может, нам стоит быть благодарными, — задумчиво отозвался супруг, будто и не услышал моих слов. — Если бы не их экспериментальные методики, я так никогда бы и не узнал, *насколько* я не устраиваю собственную жену.

И он метнул в меня взгляд — вот там всё и крылось, в

этом наполненным скрытым гневом взгляде.

— Я не считаю это ошибкой, — покачала я головой.

И на его молчаливый вопрос пожала дрогнувшими плечами:

— Переписка была вполне конкретным условием. Мы оба на это условие согласились. Ты, если помнишь, сам отказался. Если следовать твоей логике, то я вправе теперь посчитать, что отказался, потому что и тебе есть что скрывать.

Я сглотнула и через силу добавила:

— Кроме своих походов налево, конечно.

Кружка со стуком грохнулась о столешницу.

Всего пара мгновений — и мы уже привычно стоим друг напротив друга, как два готовых к роковому поединку дуэлянта.

— Верно ли я понимаю, — цедит муж, — что сейчас ты защищаешь своё решение трепаться о нашей с тобой личной жизни первому встречному? Своё — защищаешь, а моё нежелание причитать о своих проблемах на любом виртуальном углу считаешь... каким? Подозрительным?

Руки сами сжимаются в кулаки, пальцы впиваются в ладони.

— Что значит, первый встречный, Марат? Тебе объясняли условия! Это не первый встречный. Это общение с ассистентом! А чат нужен для иллюзии анонимности, для свободы в общении! Но общаешься ты со специалистом. Не с подружками в сети, не с незнакомцами!

Я потрясённо замолчала, наконец догадавшись, как далеко простирались его сомнения и подозрения:

— Ты что... ты посчитал, что я стала бы свою личную жизнь попросту в сеть изливать?

— Я этого не утверждал, — качнул он головой. — Вопрос в добросовестности метода.

— Так теперь тебя сомнения жгут?

Марат молчал, но мне кажется, я догадалась. Вся эта затея в его представлении была всего лишь концепцией, тем более что он от своей попытки совсем отказался. О была она ею ровно до тех пор, пока он этот чат не увидел. Пока не прочитал... И вот тут-то она обрела вдруг реальность. И напугала.

— Я не знал, что ты продолжила это общение! — огрызнулся он. — Когда мы сменили психолога, я был уверен, что и от чата ты отказалась!

— Я не собиралась делать из этого тайны, — покачала я головой. — Я писала туда по инерции. Потому что мне это общение помогало.

— И откуда ты можешь знать, что оно не шло нам во вред?

— Оттуда! — отрезала я. — Оттуда, что доверяю рекомендациям Вероники!

Реакция мужа показалась мне странной. Его лицо застыло в тревожном недоумении. Какое-то время он вообще ничего не говорил.

— Веронике? — переспросил он, будто не верил. — А она здесь при чём?

Глава 14

— Что значит, при чём? — мне даже стало немного не по себе от его пристального взгляда. — Вероника нас консультирует.

Консультировала, конечно. Всё, закончилась наша семейная терапия. Но сейчас такая мелочь, как точность формулировок, меня мало интересовала.

Впрочем, Марата, судя по всему, тоже. Его куда сильнее заботило содержание.

— Да знаю я, что она нас консультирует! — зарычал он. — Не она эту методику предложила. Я же не идиот, я хорошо это помню.

Не идиот. Но раньше подобные «мелочи» его мало интересовали. А тут смотри-ка, он помнил.

— Я и не пыталась сбить тебя с толку. Само собой, нам её Смирнов предложил.

Лицо Марата скривилось, стоило мне упомянуть фамилию Олега Дмитриевича, нашего предыдущего психолога.

— Всезнайка с постной рожей. Он никогда мне не нравился. При чём здесь тогда Вероника?

Какой всё же прогресс. Моя подруга — единственный специалист, которого Марат не называл по фамилии. Всегда только по имени. Своё истинное отношение к её профессионализму он скрывал, но судя по всему, всё-таки уважал, раз

таким образом выделял среди остальных.

— При том, что она посоветовала мне продолжать, — я выдохнула, понимая, что прежде мы этого не обсуждали. — Она одобрила метод Смирнова. Сказала, что в моём случае он эффективен.

— Она так сказала? — прищурился муж. — А почему я слышу об этом впервые?

Я ненавидела себя за то, что теперь чувствовала вину. Вину за то, что не поставила его в известность о том, о чём он и знать не хотел. К тому моменту его всё слишком бесило — и в Смирнове, с которым они не сошлись характерами, и в ситуации.

Я лишний раз не хотела поднимать эту тему. Надеюсь, время пройдёт, и он успокоится. Я зря на это рассчитывала.

— Потому что тебе было на всё наплевать, — я облизнула пересохшие губы. — Тебя всё бесило. И ты не верил, что новый психолог поможет. Хотя я и говорила, что Вероника — отличный специалист. Ты вообще к ней идти не хотел.

Я совершенно не горела тогда желанием откровенничать. Но понимала, что общение с посторонним, пусть и всего лишь делающим свою работу человеком будто бы дарило мне благодарного слушателя, который не осудит и не станет высмеивать. Но даст мне возможность выплеснуть из себя накопившуюся боль. А главное, гарантирует конфиденциальность. То, во что Марат упорно отказывался верить.

К чему тогда привела бы моя откровенность? Почти на-

верняка к его отказу продолжать терапию.

Правда, горечь иронии в том, что в итоге *любые* попытки оказались пустой тратой времени.

Нашему браку ничего не помогло.

— И ты решила, что правильнее всего вообще ничего мне не рассказывать, — криво усмехнулся супруг.

— Я боялась, что это наверняка поставит точку на наших попытках...

Я тяжело сглотнула, силясь подыскать верные слова. Но в этом не было необходимости.

— То есть она одобрила продолжение твоей переписки. У меня за спиной. И с кем же ты общалась? Или Смирнов на время одолжил тебе своего ассистента?

В его последнем вопросе звучала неприкрытая издёвка. Но я решила её не замечать. Это лишь ещё больше накалило бы обстановку.

— Никто мне никого не одалживал. Наш чат ведёт одна из её помощниц. Её зовут Лена.

— Думаю, теперь мне эта информация не слишком-то пригодится. Дорога ложка к обеду. Или как там в народе-то говорят?

— Тут ты прав, — я вскинула подбородок. — Теперь в ней нет особой необходимости. Я оповещу Веронику, что консультации мы прекращаем. Необходимость в *семейном* психологе отпадает.

— Потому что психологи ни черта не помогают.

— Нет, Марат, не потому. Потому что семьи у нас больше нет.

Глава 15

— Ну вот мы и к главному подошли. — В синих глазах загорается тёмное пламя. — Разводом пугать меня будешь?

И меня это бесит. Бесит его уверенность в том, что он чувствует себя хозяином положения. Что он вроде как прав и диктует условия.

— Не думаю, что развод тебя напугает. Уверена, он тебя освободит.

Марат смотрит на меня исподлобья. Будто готовится атаковать. Раскаянием от него и не веет.

Да, зреет битва. Обычно подобного рода битвы мы умели заканчивать примирением только в постели.

Сейчас... когда в этой самой постели побывала другая, мне даже думать об этом становилось противно. Противно и больно.

Особенно, после того как я слышала вчерашний разговор по телефону.

После того как он снова был у неё. Снова!

И его совершенно не покорило то, что я уже знала об их постыдной интрижке!

Безотчётно взглядом пытаюсь отыскать у него на лице следы сегодняшних утех.

Но он закрыт. Сейчас он скрыл своё лицо под невидимым забралом.

Он действительно приготовился к битве.

— Освободит? — повторяет спокойно, но я-то вижу, что внутри у него всё клокочет. Сдерживается из последних сил. — Освободит от чего?

Подбородок начинает дрожать, но я не имею права сдаваться.

— Глупый вопрос. От необходимости оправдываться. Скрываться. Хотя... — перевожу дыхание, потому что его катастрофически не хватает, — ...скрываться ты в последний раз и не пытался. Будто тебе уже всё равно, узнаю я о твоих походах налево или нет.

Марат и не думает отгораживаться оправданиями. Вместо этого прищуривается, будто что-то напоминает.

— Как ты там говорила... *Иногда меня привлекает тот факт, что женщины к нему небезразличны. Я знаю, что многие хотят моего мужа. И это меня возбуждает.*

Представьте, что вас до гола раздели, а потом ошпарили кипятком. Вот просто выплеснули на вас целый таз кипятка.

Будто с вас кожу содрали. С холодным расчётом. Безжалостно.

Я помню, как я это писала. Помню, когда. А главное, почему. Помню, как твердила себе, что подобная искренность необходима. Она заставляет чувствовать крайнюю уязвимость и вместе с тем лишает тебя иллюзий о себе самой. Учит принимать своё несовершенство.

— Я этого не говорила, — шепчу. — Я это *писала*. Вось-

мая сессия переписки. После... после дня рождения твоего коллеги, Самсонова.

Женщины вокруг Марата так и вились. Весь вечер. А я испытывала странную смесь гордости и, да, чёрт возьми, возбуждения! От того, что ни на одну из них он внимания не обращал. А в конце вечеринки выловил меня из танцующей толпы, затащил в какую-то комнатку для хранения, и на время мы попросту выпали из общего праздника.

Одно из самых ярких воспоминаний нашей супружеской жизни.

Марат смотрит волком. Он видит ситуацию по-другому. Я знала, что он не поймёт. Поэтому никогда не рассказывала ему, почему с такой готовностью согласилась на секс в кладовой чужого дома.

— Тебя заводит чужое внимание. Чужие бабы, выющиеся вокруг меня. Ты не ревнуешь. Тебя это *заводит*!

— Господи, — мой голос срывается, хоть я и не кричала, — да как же можно всё так чудовищно извратить? Ты сам себя слышишь? Ты хоть раз пытался понять, что меня заводил *твой отказ* принимать чужое внимание! Нет, не пытался! Тебя ослепил сам факт моей якобы тайной от тебя переписки, и ты прочёл то, что захотел там прочесть!

— Не делай из меня идиота, — его ноздри гневно раздулись. В голосе зазвучало предупреждение. — Не пытайся всю вину переложить на мои плечи.

— Я ничего не пытаюсь. Я понимаю, что пытаться дав-

но уже без толку, — я обхватываю себя руками и принимаю волевое решение прекращать бесполезные препирательства. — Мы не слышим друг друга. Мы с армией психологов не слышали. Поэтому я сдаюсь, Марат. Я сдаюсь. Сдаюсь и предлагаю расстаться.

Глава 16

— Нет.

— Нет?..

Мощная грудь под рубашкой поднимается и опускается. Но он пытается скрыть от меня эти признаки волнения вперемишку с гневом. Пытается быть конструктивным.

— Я же сказал, нет. Думаешь, новая ссора, замаскированная под разговор по душам, что-то изменит? Вынужден огорчить. Меня такой вариант не устраивает.

Я провела пальцами по лицу, пытаясь сосредоточиться и отыскать в его словах хоть какую-то логику.

— Но разве это не то, чего ты ищешь? Наша семейная жизнь не удалась. Мы только мучаем друг друга. Ты вешаешь на меня выдуманные грехи, обвиняешь в холодности и безразличии. Твердишь, что я тебя разлюбила. Но ведёшь себя так, будто это всё ты! Ты холоден и безразличен. И именно ты разлюбил, раз без зазрения совести читал мою переписку. Раз надумал притащить в наш дом постороннюю девку!

Ну и куда девались все обещания, которые я сама же себе и давала? Говорить по существу, не сваливаться в эмоции...

Но легко говорить, если эмоций действительно больше нет. А что делать, если они буквально зашкаливают?

— Я её, конечно, от хорошей жизни уселся читать, — оскалился Марат. — Читал, потому что у нас всё замечатель-

но!

— И это, конечно, моя вина!

— Судя по тому, как старательно ты пытаешься меня во всём обвинить, я готов в это поверить!

— С-с-сволочь! — рывкнула я, ткнув его кулаком в середину груди.

Марат не пошевелился. В синем взгляде промелькнуло нечто дикое, но я зря испугалась. Слава богу, мы ещё не дошли до той точки, где ему пришлось бы в голову физически мстить мне за этот импульсивный жест.

Он поступил хуже. Угрожающе прорычал:

— Если ты всё для себя решила, если надумала уходить... не жди, что я отдам тебе сына. Даже не надейся на это.

И вариант решения нашей проблемы, который я собиралась ему предложить, на мгновение поблек в моих мыслях, побеждённый эмоциями. Меня захлестнула волна гнева напополам с паникой.

Он даже не колеблется заявлять мне такое.

— То есть в случае развода... — на глазах закипают злые горячие слёзы, — ты собираешься его у меня отобрать?

И он может. Если захочет, он может. У Марата есть деньги и связи. Есть влияние и авторитет. Если он пожелает... если он только задастся целью, его ничто не остановит. Я знала, каким безжалостным он умел быть, если того требовали обстоятельства.

— Я ничего не собираюсь, — синие глаза горят, но голос

звучит чуточку сдержаннее, — именно поэтому развод меня не утрит. Я не хочу, чтобы Сашка рос в неполной семье. И он не будет расти в неполной семье! Разойтись? Развестись? Это не вариант.

Что ж, это мой шанс пока — пока! — выторговать у него половину.

— Расстаться, — повторила я, чтобы он наконец услышал. — Я предлагаю тебе золотую середину, Марат. Если в таких ситуациях она вообще существует.

Он какое-то время молчит, будто и впрямь обдумывает.

— И в чём она заключается?

Господи, пожалуйста, пусть он прислушается.

— Мы на время разведемся.

Он прищуривается, но не перебивает. Ждёт от меня разъяснений.

— Разведемся. Ненадолго. Отдохнём друг от друга и от этих бесконечных, изматывающих ссор. Ради сына, Марат. Ради Сашки. Пусть мы друг другу уже осточертели, но он не должен этого знать.

Муж смотрит на меня очень внимательно, будто пытается разгадать, что я на самом деле задумала. И я очень надеюсь, что на лице у меня не написано ничего, что вызовет его подозрения.

— Разведемся, — медленно повторяет, будто пробует это непривычное слово на вкус.

Оно звучит не так однозначно и окончательно, как «раз-

вод». В нём не слышится неизбежности приговора.

И я терпеливо жду. Жду ответа.

Жду и надеюсь, что он пойдёт мне навстречу.

— Марат?..

Глава 17

— И что, по-твоему, нам это даст?

Такой вопрос можно считать хотя бы преддверием согласия?..

— Передышку, — я стараюсь не заламывать руки и не опускаться до мольбы. — Марат, нам нужно отдохнуть друг от друга. Мы ходим кругами. Мы друг друга не слышим. А мне сейчас даже смотреть на тебя тяжело. Возможно, потому и разговоры наши не клеятся.

Хотя, господи ты боже мой, когда в последний раз мы вообще говорили нормально — без споров, слёз и взаимных упрёков?

Но вот разорвать этот порочный круг я решилась только сейчас. Какая дикая, циничная ирония — решилась-то лишь когда он до того опустился, что притащил в наш дом свою блондинистую потаскушку.

— Мне тоже смотреть на тебя тяжело, — ошарашивает Марат встречным признанием. — Мысли мне путаешь. Всегда. Даже сейчас.

Смотрю на него во все глаза. Искренне пытаюсь понять, о чём он. Это новая попытка меня оскорбить? Как-то унижить?..

— Если ты подозреваешь меня в каком-то умышленном манипулировании...

Он делает шаг вперёд, на меня, но заслышав окончание фразы, будто в стену врезается. Замирает. По челюсти ходит желвак. Кажется, вот-вот выругается — вслух и громко.

Вместо этого поднимает кулак и, будто передумав что-то крушить, медленно втискивает его в стену.

— Твою-то... — цедит сквозь зубы. — Кажется, я только теперь понимаю, как далеко всё это зашло.

— Я не понимаю, о чём ты.

— А стоило бы! — кулак снова втискивается в стену, теперь чуть сильнее. — Ты уже сама говоришь этими фразами. Начни ещё про «токсичность» мою рассуждать. О подавленных эмоциях мне расскажи. О попытках всё на тебя спроецировать!

Я прикрываю глаза, уговаривая себя не идти на поводу у его слепого гнева. Начни я ему отвечать, и от моих попыток добиться от него согласия, ничего не останется.

— Марат, я не собиралась ни в чём тебя упрекать. Тебе придётся поверить. Но и от слов своих я не отказываюсь. Я действительно не пытаюсь мозги тебе пудрить. Прошу тебя, не ищи здесь подводных камней! Я просто хочу хоть немного покоя. Для себя и для тебя. Скажи, разве мы оба этого не заслужили? Разве мы недостаточно утомили друг друга? Недостаточно ранили?

И сейчас я действительно не хочу вести счёт. Не хочу продолжать этот спор и доказывать, что мои раны страшнее и глубже.

— Давай посчитаем это временным перемирием, — сгла-
тываю подступившие слёзы. — Отдохнём и тогда решим наш
вопрос окончательно.

— И что он ответил? — глаза Ники светятся добротой и
участием. — Что он сказал?

Я вздыхаю.

— Всё как ты говорила. Поначалу... он встал на дыбы.
Винил меня чёрт знает в чём. Называл бредовой затеей. Но
потом...

Я замолчала, вспоминая пристальный взгляд и впечатан-
ный в стену кулак. Его надсадный вздох и огрубевший голос:
*«Это всего лишь отсрочка. Ради Саики. Сбежать не надей-
ся».*

Как будто в нашем мире можно вот так просто сбежать,
с маленьким сыном под мышкой. Сбежать от Марата Басар-
гина с его властью и связями.

— ...потом он согласился. Мы решили разъехаться, Ник.
У него впереди заключение важной сделки. Он с партнёрами
к ней полтора года готовился. И мы не будем мешать. Уедем
на время.

Подруга кивнула, закрыв свой ежедневник, откуда пятью
минутами ранее вычеркнула наше следующее посещение.

— И уже решила, куда вы отправитесь?

— К морю, — вздохнула я. — Марат недавно приобрёл

уютный коттедж. Мы с Сашкой пока только на фотографиях его и видели. Вот, теперь увидим вживую.

Когда муж, глядя на меня исподлобья, предложил такой вариант, я ухватилась за эту возможность, как за соломинку. В первую очередь это поможет Сашке отвлечься. Он безумно любил поездки на море.

Но принимая предложение мужа, я ещё не знала, на что соглашалась. И понятия не имела, как круто это решение изменит всю нашу жизнь...

Глава 18

— Нужно поговорить.

Ника смотрит на него круглыми от испуга глазами. Но вот кто точно напуган, так это сидящий на её кабинетном диване очередной безликий клиент. Худой и бледный мужик с дёргающимся кадыком. По виду классический неврастеник.

— Сейчас?.. Марат, извини, я сейчас занята...

— Это легко поправимо, — он бросает выразительный взгляд на клиента, даря ей последний шанс передумать.

Если она продолжит сейчас упираться, ему ничего не останется, как пойти на отчаянные меры. Он бросил всё, отменил все свои встречи, чтобы приехать сюда и получить все ответы.

Работник из него сегодня и без того никакой. Перед глазами до сих пор стояло бледное лицо жены и её приговор. Её настырное «расстаться», о котором он поначалу не хотел и слышать.

— Извините, — Ника поднялась из кресла и ободряюще улыбнулась неврастенику. — Форс-мажорные обстоятельства. Я скоро вернусь. Подумайте пока над причинами, о которых я вам говорила. Минут через пятнадцать мы их предметно обсудим.

Пятнадцать минут. А она оптимистка.

— Что это, мать твою, значит? — прорычал он, стоило ей

прикрыть дверь своего кабинета, куда она жестом его пригласила. — Какого чёрта ты предложила Милене продолжить ту сраную переписку, которая досталась нам от Смирнова?

Ника едва заметно нахмурилась, но его сейчас не волновало её мнение насчёт его выбора лексики. Для этого он сейчас был слишком зол.

— Марат...

— Мы от этого охрененного специалиста только потому и ушли, что он ни черта не помогал! Всё экспериментами баловался. Применял на нас свои авторские методы. Бумажками своими со статистическими выкладками перед носом тряс, как будто они могли гарантировать результат.

— Послушай...

— Эта грёбаная переписка всё и уничтожила! — он едва сдержался, чтобы не садануть кулаком по дверце удобно подвернувшегося ему под руку шкафа. — Вместо того, чтобы высказывать претензии мне, она строчила о своих обидах чужакам в этом чёртовом чате. А потом втянулась настолько, что между нами вообще никакой искренности не осталось!

— Ты будешь обвинять её в том, что она душу тебе не изливала? — с неожиданным спокойствием отозвалась Ника. — Не делилась тревогами и сомнениями с человеком, который после рождения сына из-за работы едва дорогу домой не забыл?

— Я работаю, чтобы их обеспечить!

— А когда этого будет достаточно? — в обычно мягком

голосе психолога прорезалась сталь. — Марат, на твоих счетах астрономические суммы. Их по-прежнему не хватает, чтобы содержать в достатке семью?

Её реакция была до того неожиданной, что слегка охладила его пыл. Но не лишила желания докопаться до истины.

— Я уже объяснял. Чтобы оставаться на плаву, останавливаться нельзя. Чем выше взбираешься, тем сложнее на этой высоте удержаться. Я не ожидаю, что это поймёт кто-нибудь, кто с бизнесом не связан, но и в оправдания пускаться не собираюсь.

Он вдруг неожиданно усмехнулся.

— Иронично. Благодаря моим неустанным трудам моя жена имеет возможность безо всяких проблем сбежать от меня и пожить вдалеке в очень комфортных условиях.

— Цинично, — вздохнула Ника.

— Цинично, — сверкнул он глазами, — это если бы я её на произвол судьбы с ребёнком на руках отпустил. Без крыши над головой и без денег. Катись и выкручивайся сама. Как сможешь. Или и тут я не прав?

Ника снова вздохнула.

— По-своему, но в общей картине...

— А давай не будем играть в оценщиков живописных полотен, — его терпение истощалось. — Давай по существу поговорим.

— Смотря что ты под этим подразумеваешь.

— Твои честные ответы на мои вопросы, Ника, — он

очень надеялся, что она правильно истолкует угрозу в его голосе. — И начнём мы с самого главного. *Почему* ты уговорила Милену продолжать переписку?

Глава 19

— Если ты хочешь услышать какую-нибудь саморазоблачающую истину, то зря приехал.

Ника поводит плечами, будто озябла, и уже не порывается поскорее завершить разговор. Сейчас он не завидовал бедняге, дожидавшемуся её возвращения.

Потому что впереди у них до-о-олгий разговор. И в этом разговоре он вытянет из неё всё, что ему потребуется.

— Я приехал за объяснениями. И не уйду отсюда, пока не получу ответы на все вопросы.

— Ну и что ты эдакого хочешь услышать? — вздохнула она. — Милена не раз мне говорила, что общение в чате ей помогает. Я решила, что не имеет смысла отказываться от практики, введённой Смирновым, раз уж она работала.

— Почему я об этом не знал? Ты вообще в курсе или забыла, что мы *вместе* ходили к тебе на сеансы?

— Потому что твоя супруга не стала тебя посвящать? — предположила она, легонько пожав плечами. — Марат, ты сам не замечаешь, как снова включается твоя мания всё контролировать? Мы ведь об этом с тобой уже не раз говорили. Нельзя души́ть родного тебе человека тотальным контролем. У всех есть границы личного...

— Это личное касается нас обоих!

Шкафу всё-таки не повезло. Костяшки пронзило болью, а

деревянная створка, жалобно скрипнув, отворилась.

Но он и не подумал бы просить прощения за свою несдержанность. Это бесило. Бесило, что все вокруг завели моду держать его в неведении.

— Поначалу мне эта идея охренеть как не нравилась, — прорычал он. — Менять этого олигофрена Смирнова на тебя.

Серые глаза опечаленно опустились в пол:

— Вот как?... Почему?

— Потому что вы с ней подруги. Я, мать твою, знал, что рано или поздно к этому всё и сведётся! К вашим общим секретам! Ты хоть понимаешь, *насколько* это непрофессиональное поведение? Ты хоть понимаешь, что стоит мне пальцем пошевелить — и тебя тут же лишат и лицензии, и возможности продолжать свою практику?

У него получилось.

Тонкая рука подскочила к белоснежному горлу. Она потеряла всю свою безмятежность, умевшую убаюкивать, почти гипнотизировать. Умевшую убеждать, что за привлекательным фасадом действительно кроется мощный спец, досконально тебя понимающий и точно знающий, как тебе помочь.

— Ты... ты не посмеешь.

Ему захотелось расхохотаться. Мутная пелена, окутывавшая его все эти годы метаний между разваливавшейся семьёй и поглощавшей всё время работой, только сейчас начи-

нала по чуть-чуть истончаться.

Хорошего мало — слишком много времени потеряно. Но лучше уж поздно, чем никогда.

— Слушай, да что же ты за психолог такой, если до сих пор не знаешь, что я посмею сделать, а чего не посмею?

Ника метнула на него нечитаемый взгляд.

— Ошибаешься. Может, я и не читаю тебя как раскрытую книгу, зато хорошо понимаю то, до чего ты до сих пор не дошёл. Понимаю, почему ты всё это устраиваешь. Почему ты мечешься, как раненое животное. Сам семью разрушаешь, но по-прежнему ничего и никого отпустить не готов. Наконец, почему ты приехал сюда и ждёшь от меня ответов, будто они помогут тебе всё-всё исправить!

— Ты не можешь этого знать, — покачал он головой.

— Что, думаешь, не могу, потому что ты сам не знаешь ответа? Я тебе помогу. Марат, ты — эмоциональный калек. Извини, что так прямо, но по-другому ты сейчас не услышишь. Ты с трёх лет — сирота. Ты жил без семьи. Никому не доверяешь. А если уж что-то — своё, вцепишься и не отпустишь. Но держишь так крепко, что неизбежно ломаешь. В бизнесе тебе это, может, и помогает. Про таких говорят — хватка бульдожья. Не отцепится, пока голову не размозжишь. Вот и в семью свою так вцепился, что не понимаешь — они в твоей хватке страдают. Своей жене ты готов мстить за нелюбовь — вплоть до измены! Но отпускать... нет. Отпускать ты её не собираешься. Какова твоя цель? Замучить

её своей «праведной мстью» до смерти?..

Ника оборвала свой чудовищный монолог и теперь смотрела на него выжидательно и даже с некоторым вызовом, мол, ну попробуй-ка возрази.

Они на пару с Миленой нарисовали такую картину?..

Воздуха в груди не хватало. Челюсти свело от напряжения. Глаза застилала алая пелена.

— Она сама тебе это сказала? — выдавил он. — Моя жена тоже всё видит именно так?

Глава 20

Она всё-таки поколебалась, прежде чем ответить. И врать, видимо, не отважилась

— Нет. Это мои наблюдения.

— Другими словами, хочешь сказать, что я больной убудок. Социопат.

— Нет! Нет, но, Марат, ты *должен* помнить, откуда идёт твой гнев. Милену ты отпустить вынужден, но тебе это просто так не даётся. Ты не знаешь, как правильно проявлять свои чувства. Это страх. В тебе говорит испуганный ребёнок, который боится, что его снова бросят. Хладнокровно и навсегда. И ты готов на всё, только бы вызвать к себе хоть какие-то чувства. Даже если они разрушительны. Это парадоксально, да, но...

— Значит, не убудок и не социопат. Вместо этого — травмированный ребёнок? — желчно усмехнулся Марат, смерив её взглядом.

Да что эта женщина могла понимать? Она так свободно рассуждала об этом, но ни хрена же не понимала! Не понимала, каково это — до тринадцати лет жить на улице. Несколько раз побывать на волоске от смерти. Не фигурально, а *буквально*. Не знала и знать не могла. Об этом знал только он. И Милена.

Только жене он мог о таком рассказать. Ещё до того, как

его погоня за деньгами и её всепоглощающее внимание к сыну, за которым она скрывала остывающие чувства, не заставили его пожалеть о своей откровенности.

А Ника... Ника даже не знала, почему он к ней приезжает. Наверняка вообразила, что его к ней влекут, хм, особые чувства.

И не только вообразила. Она *действовала*, исходя из этого якобы знания.

— Я никаких ярлыков на тебя не навешивала, — тряхнула она головой. — Я знаю, как это бесит мужчин. Как они отпираются от своего внутреннего ребёнка. Как хотят задушить в себе этого бедного, несчастного и без того покалеченного мальчишку.

— А давай я со своим юным калекой сам как-нибудь договорюсь! — рыкнул он.

— А получится? — серые глаза вспыхнули вызовом. — Знаешь, сколько тут таких побывало? Днём они миллиардами ворочают, в короля джунглей играют. А ночью кошмарами мучаются и импотенцией. Думаешь, это случайность? Неприятное совпадение?

— С потенцией у меня всё в порядке, — мрачно усмехнулся Марат, старательно отгоняя от себя воспоминания того вечера, когда держал в руках извивающуюся от гнева жену.

Держал и невзирая на всю свою злость и давно копившуюся ревность ко всему, что её окружало вместо него, не мог

сказать ей ни слова правды.

Нет, не стоит думать об этом прямо сейчас. Об этом он подумает позже.

— Я знаю, — печально и без смущения ответила Ника. — Хотя для меня это и удивительно, потому что ты ходячая психотравма. Но, видимо, эта травма настолько сильна, что работает скорее как источник, откуда ты черпаешь свою разрушительную энергию. И попробуй мне возразить, Марат. Ведь зачем-то же ты притащил в дом чужую женщину. Уложил её в супружескую постель.

— Постель была не супружеской! — рявкнул он, будто сам этот факт что-то менял в сути поступка.

— Думаешь, Милене от этого легче? — и в серых глазах стыла такая тоска, будто он не жене изменил, а *ей*. — Ответь, зачем ты это сделал, если не для того, чтобы всё разрушить своими руками?

На этот вопрос он смог бы ответить только жене. Потому что ответ был слишком позорным.

А Ника ответов вряд ли дождётся. Пусть даст ему сначала свои.

Если прежде его терзали сомнения, то теперь они развеялись почти окончательно.

И это развязывало руки. Дарило свободу... и открывало возможность для, скажем так, манёвра. Скрытого и очень важного.

Посмотрим, кто тут лучший психолог.

— Хватит копать в моей голове. Я сейчас не за этим пришёл. Объясни.

— Что? — заморгала она, сбитая с толку резкой сменой темы.

— Объясни, как эта хрень вообще может работать? — в груди нарастал жар неистраченного гнева. — Расскажи, как работает эта ваша... переписка.

— З-зачем?

— А вот это уже не твоё дело. Ты расскажешь мне всё. А после кое-что для меня сделаешь.

— Марат, я не поддаюсь на угрозы.

— *Сделаешь*, — повторил он с нажимом. — Или это наша с тобой последняя встреча.

Глава 21

— Спасибо, что разрешил нам пожить в «Жемчужной бухте».

Марат прищуривается. И этот прищур сейчас выглядит исключительно хищно.

Не думаю, что намеренно. Просто за последние несколько дней он сильно осунулся и будто вовсе не спал.

Дошло даже до того, что мне на мобильный позвонила одна из его секретарш, Наташа, и попыталась как можно более деликатно выяснить, всё ли у нас хорошо.

Но моё недоумение долго мялась и потом очень нехотя призналась, что её непосредственное начальство ведёт себя требовательнее, чем обычно, а ещё — очень рассеянно.

Я проямлила что-то невразумительное. Мол, должно быть, навалилось слишком много работы.

Работы по окончательному развалу семьи.

— Это совершенно лишняя благодарность.

— Я так не считаю.

— А как ты считаешь? Считаешь, я мог вам отказать?

Я нервно оборачиваюсь, но Сашка, слава богу, ещё в детской — проводит ревизию своей сокровищницы, чтобы решить, какие игрушки возьмёт в поездку с собой.

— Сыну — вряд ли.

Муж понимающе усмехается. Оставляем невысказанное в

покое. У нас и тут разный взгляд на вопрос. Марат даёт понять, что он великодушен, мне он не отказал бы. А вот я уже сомневаюсь насчёт его великодушия. Я уже не могу ему верить.

— Сроки какие-нибудь будем определять?

Удивлённо моргаю.

— Что? — сразу хмурится он.

— Не утверждаешь. Не требуешь. Спрашиваешь?

— Это сарказм?

И я уже чувствую, что от обманчиво расслабленной позы, которую он принял, опёршись плечом о дверной проём, пока наблюдал, как я аккуратно складываю чемодан, почти ничего не осталось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.